

Галина Петровна ГАВРИЛИЧЕВА¹
Анатолий Анатольевич КОНОНЕНКО²

УДК 93/94.908

ИЗМЕНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО КОДА НАРОДА В 1920-1930-Х ГГ. НА ПРИМЕРЕ НАСЕЛЕНИЯ Г. ТЮМЕНИ

¹ кандидат филологических наук, доцент
кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации,
Тюменский государственный университет
teacher1710@mail.ru

² доктор исторических наук, профессор
кафедры отечественной истории,
Тюменский государственный университет
a-kononenko@yandex.ru

Аннотация

Целью статьи является анализ культурных процессов, происходивших в России в 1920-1930-х гг., на примере небольшого города Тюмени, который в указанное время неоднократно менял свой административный статус, являясь губернским, окружным и районным центром Тюменской, Уральской и Омской областей. Мы полагаем, что именно в это время произошла смена культурного кода народа, трансформация бывших подданных Российской империи в новую социокультурную общность — граждан советской республики, позднее получившую название «советский народ». В центре нашего внимания оказались процессы, происходившие на уровне маленького человека, его будничной субъективности. Постановка проблемы в таком ключе предпринимается впервые. Среди задач, стоящих перед нами, были: анализ условий жизнедеятельности горожан, трансформация большевистской агитации и пропаганды, анализ требований, предъявляемых государством к человеку нового типа, разделение городского сообще-

Цитирование: Гавриличева Г. П. Изменение культурного кода народа в 1920-1930-х гг. На примере населения г. Тюмени / Г. П. Гавриличева, А. А. Кононенко // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2018. Том 4. № 3. С. 179-191.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-3-179-191

ства на сторонников и противников нового режима, изучение скрытого настроения населения, практика адаптации населения к суровым реалиям.

В результате исследования установлено, что произошла мифологизация сознания, когда все положительные изменения в жизни людей стали напрямую связываться с большевистской революцией 1917 г., население было стратифицировано на сословия — ударников, стахановцев, передовиков и всех остальных. Маргинальные группы трансформировались в городскую интеллигенцию и рабочий класс. Потребность государства в управленческих кадрах позволила создать значительный перечень вакансий, что способствовало укреплению авторитета правящего режима. Репрессии в отношении бывших либо действующих руководителей удовлетворяли ущемленное чувство социальной справедливости низших, но формально равных им слоев общества.

В итоге делается вывод о том, что в стране произошла полная смена ранее правящей элиты, формирование генерации новых людей. Население было представлено психологическими типажам активистов, попутчиков и маргиналов, которых объединил инстинкт самосохранения и чувство хозяина своей страны, готовность принести себя в жертву ради будущих поколений, мощной индустриальной державы. Генерацию новых людей отличали энтузиазм, оптимизм, бдительность, поразительная выживаемость, жестокость и безразличие. Проверку этих качеств осуществила Великая Отечественная война.

Ключевые слова

Советская цивилизация, новый культурный код, Тюмень, реконструктивный период, мифологизация сознания.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-3-179-191

Введение

Установив свою власть в стране, партия большевиков оказалась перед судьбоносной развилкой: в каком направлении и с какими темпами двигаться дальше. Новая экономическая политика помогла преодолеть последствия постреволюционной катастрофы, обеспечить продовольственный минимум, но рассчитывать на нэп как на базис для преодоления стадийного отставания России от ведущих стран Запада было бы легкомысленным заблуждением. Нельзя не учитывать и постоянный страх большевистского руководства перед потенциальной внешней угрозой повторения войны. В этой ситуации была сделана ставка на форсированную индустриализацию страны, которая предусматривала формирование рабочего класса, создание крупной промышленной базы, электрификацию страны, ликвидацию безграмотности и т. д.

Важнейшее место в этом процессе отводилось культурной революции, способной привести к рождению советской цивилизации, в центре которой должен был стоять новый человек. Основной идеей статьи является тезис о полной

смене культурного кода народа¹, искусственном разрушении традиций, наполнении культурной жизни новыми смыслами, ликвидации прежде правящей элиты, в том числе конкретных носителей иных ценностей. Новая модель культуры подразумевала формирование нового типа личности, готового принести себя на алтарь мировой революции. Но был ли видимый успех этой конструкции политической общественности 1930-х гг. отражением ее зрелости, надежности и долговечности? Попробуем ответить на этот вопрос.

Основная часть

Можно предположить, что становление советского человека началось еще в период нэпа, когда значительные группы населения, не только члены РКП(б), но и рядовые граждане, выражали явное недовольство политикой временного отступления от принципов «военного коммунизма», возрождения имущественного неравенства, социального расслоения [9, с. 75-87]. Людей волновал вопрос, за что воевали в Германскую и в Гражданскую войну, если принципы «свободы, равенства, братства» так откровенно попираются новыми богачами? Учитывая, что продуктов питания и промышленных товаров в стране на всех не хватало, власти продолжили практику деления людей на «миропомазанных» — своих сторонников — и всех остальных. Политика новой власти по отношению к населению определялась не столько лояльностью, сколько степенью полезности для власти тех или иных групп сограждан. Население России только что пережило антропологическую катастрофу (семь лет непрерывной войны, инфекционные заболевания, голод, смертность превышала рождаемость), и надежда на выживание любым путем, в том числе чудесным, оказалась весьма кстати. Сложился определенный тип человека, дезориентированного в новом социальном пространстве, без ясно выраженной и закрепленной в традиции социальной позиции, агрессивного и одновременно социально апатичного, ищущего убежища в частной жизни.

География нашего исследования ограничена г. Тюменью, который в указанный период неоднократно менял свой административный статус, являясь губернским, окружным и районным центром Тюменской, Уральской и Омской областей. Это позволяет рассмотреть проблему с позиции микроистории и локальной истории. В указанное время в городе проживало чуть более 50 тыс. человек [7, с. 270], но вследствие переселения в Тюмень уральских и сибирских крестьян к началу 1940-х гг. численность увеличилась до 80 тыс. человек [7, с. 271], при этом прослеживается также тенденция и к естественному приросту населения [9]. Сплошная коллективизация сельского хозяйства привела к массовому бегству крестьян

¹ Культурный код — уникальные культурные особенности, доставшиеся народу от предков, содержащиеся в информации, позволяющей идентифицировать культуру. Культурный код определяет набор образов, связанных с накоплением стереотипов в сознании. Не то, что говорится, а то, что скрыто от понимания, но проявляется в поступках. Культурный код нации помогает понимать ее поведенческие практики, определяет народную психологию. См.: [4, 9].

из деревень, что спровоцировало очередной жилищный кризис, для решения которого были задействованы бараки, склады, землянки. Но, как и прежде, в 1870-1900-х гг., крестьяне приносили в город лишь рабочие руки, но отнюдь не квалификацию, что позволяет говорить о новой волне рурализации Тюмени. Тем не менее в городе были представлены практически все слои населения тогдашней России: интеллигенция, пролетариат, военнослужащие, торговцы, работники сферы услуг, партийные и государственные служащие, духовенство.

В 1922 г. под влиянием многих факторов большевистская власть вступила в стадию отрезвления. Крестьянские восстания по всей стране, восстания балтийских моряков в Кронштадте, повсеместное недовольство коммунистами, в том числе в городах, на заводах и фабриках, возникновение различных оппозиционных групп внутри правящей партии привели к тому, что начался принципиально новый этап в жизни государства и общества. Вводя нэп, большевики вовсе не отказывались от построения социализма. Они испытывали крайнюю потребность в перемирии. Одновременно продолжалась беспрецедентная пропагандистская обработка населения: кампании по борьбе с неграмотностью и религиозными пережитками, реформа брачного и семейного законодательства, изъятие из ведения церкви и передача органам ЗАГС документов, связанных с рождением, смертью, браками и разводами, регистрация (прописка) по месту жительства, принудительное бесплатное начальное образование и, безусловно, запугивание населения мифической внешней угрозой начала новой войны, в первую очередь со стороны Польши, Румынии, Финляндии и Японии.

Вновь начинается изъятие церковных ценностей и закрытие храмов, мечетей и синагог. В 1929 г. отменяются празднование Рождества и Пасхи, эти дни становятся рабочими, в ноябре того же года закрывается Михайло-Архангельская церковь, затем еще 10 храмов. В городе для нужд верующих остается одна действующая церковь — Всехсвятская, хотя количество верующих было велико. В июле 1932 г. уничтожается Благовещенский собор, учителям предлагается убеждать школьников избавляться от домашних икон, религиозной атрибутики и символики. Процесс этот был крайне противоречивым, так как наблюдалось и обратное явление: глубоко верующие родители в ответ на богоборческие требования властей настаивали на выходе своих детей из пионерских и комсомольских организаций. Успех большевистской риторики во многом зависел от возраста: старшее поколение с трудом воспринимало новые лозунги и ценности. Важным аспектом повседневной жизни становится советская праздничная культура, акцентировавшая свое внимание на годовщинах, памятных датах и событиях, стремившаяся закрепить завоевания революции в сознании трудящихся. Во многом это было связано с популяризацией таких дат, как освобождение Урала от Колчака (15 июля), освобождение Тюмени от Белой армии (8 августа), собраний, посвященных памяти В. И. Ленина и В. Володарского, отчетов о проделанной работе, посвященных 10-летию советской власти, кампаний по переименованию улиц, населенных пунктов, направленных на удаление из памяти народа имен купцов, фабрикантов, заводчиков, церковных дея-

телей. Например, лишилась своего названия железнодорожная станция Поклевская, переименованная тогда же в станцию Талица. Приметой времени стали траурные демонстрации к могилам жертв царской и колчаковской власти, погибших борцов революции. Напоминания о тяжелом прошлом должны были контрастировать со светлым будущим. Именно поэтому все мыслимые и немыслимые положительные изменения в жизни горожан, как и их позитивные эмоции, должны были быть связаны с большевистской революцией 1917 г.

Скрытый настрой населения, особенно лишавшегося своей собственности, был главным препятствием большевистской власти. Сталкиваясь с молчаливым саботажем, действуя скорее интуитивно, руководство большевистской партии периодически меняло свои планы. Соответственно менялись и приоритеты пропагандистской кампании. Если в 1920-х гг. в местных газетах находилось место городской тематике (в рубрике «Тюменский день»), то в 1930-х гг. местная тематика на время исчезает. Центральная, региональная и городская пресса меняет свою тональность, делая акцент на успехах и достижениях. Так, в ноябре 1933 г. в газете «Красное знамя» опубликован целый разворот под названием «Уверенно и бодро строим свое радостное будущее!». В статье «Семья двух эпох» [10] сравнивается дореволюционный и постреволюционный быт семьи тюменца С. И. Никитина, рабочего завода «Механик». Сегодня Сергей Иванович носит «костюм, пальто, полушубок, пимы, а его жена Антонина — шелковые чулки — все это полученные премии за честный ударный труд». Раньше они мыкались по углам и комнатам, сегодня проживают в собственной квартире по улице Республики, 54. В статье утверждалось, что по-настоящему семья стала жить 16 лет назад (!). Таким образом, читателям внушали, что все эти последние 16 лет они жили счастливо, достойно, с уверенностью в завтрашнем дне, как будто не было Гражданской войны, эпидемий и болезней, голода и продразверстки, других жизненных трудностей и лишений. Не 2-3 последних года, когда глава семьи оказался в списках ударников, а все 16 лет. Очевидна попытка мифологизации сознания путем пропаганды и агитации, которая легла на благодатную почву, учитывая неистребимое желание части населения любыми путями выбиться в люди, в том числе посредством «ударничества».

В то же время нельзя утверждать, что все молодое поколение бескомпромиссно приняло новые культурные ориентиры. Скорее, речь идет о некотором послаблении, допущенном властью при внедрении в жизнь самых утопичных прожектов большевиков. Открытый курс на мировую революцию свернут, раблезианские ценности в семейной жизни и правовой нигилизм революционных лет ушел в прошлое, возникает «смакование жизненных благ» [2, с. 87] и торжество мещанских ценностей. «Какой стыд, ребята! Такая стройка! Такая эпоха! А мы спим чуть ли не до 10 часов... Мне кажется, что много рабочих завода — аполитично, или даже хуже, т. е. не совсем доверчиво относятся к мероприятиям советской власти. Я просто так удивляюсь, как могут молодые ребята — рабочие, в такую бурную эпоху работать только 7 часов на производстве и не нести совершенно никакой нагрузки, стоять в стороне от общественной жизни».

ни», — писала современница в своем дневнике [13, л. 10 об]. «Тюмень омещались, вся молодежь целыми вечерами без всякой цели и пользы шатается по улице Республики», — делилась она своими впечатлениями в 1932 г.

Параллельно начался процесс восстановления городского хозяйства, приведения в порядок улиц, площадей, общественного пространства, ремонт старых и снос ветхих строений. Хотя требование навести элементарный порядок и чистоту в российских городах сохранило свою актуальность и в последующие годы, данная инициатива перешла в хроническую стадию. Тем не менее определенные успехи в этом вопросе были достигнуты, например, было передано во временную аренду частному лицу Текутьевское кладбище, что привело к наведению на нем порядка, после чего оно было возвращено на баланс Горкомхоза. Впервые в городе были построены два дома с централизованным отоплением и знаменитая «круглая» баня в стиле конструктивизма. Власть стремилась качественно изменить ситуацию, сформировать принципиально новую инфраструктуру, создать условия для появления советского человека. В городе открывались детские сады, ясли, школы-семилетки, позднее школы 2-й ступени, «девятилетки». 6-7-летние дети стали осознавать свою причастность к советскому строю. Количество учащихся в 1927 г. вдвое стало превышать дореволюционное. Предпринятые меры позволили заложить в умах населения чувство стабильности и долгосрочности проектов новой власти.

В 1927 г. началась очередная «красногвардейская атака» на капитал. Власти стали сознательно и беспощадно душить всякое частное предпринимательство. Цены на лицензии и патенты постоянно повышались. Были введены продуктовые карточки, затем централизованное распределение распространилось на промышленные товары. Привыкшие к бытовой неустроенности, минимальному комфорту, непритязательные к условиям жизни, горожане с молчаливой покорностью приняли новый курс на ликвидацию частного сектора в экономике, торговле и сфере услуг. К концу 1920-х гг. население Тюмени, «подсаженное на иглу» распределительной политики, оказавшись объектом централизованного снабжения, руководствуясь скорее банальной завистью и неприязнью к торговцам, частникам и спекулянтам, стало требовать ликвидации нэпа. В то же время для городского пролетариата был установлен 7-часовой рабочий день, а для дальнейшей мотивации трудящихся вводились привилегированные рабочие сословия — ударников и стахановцев. В первую очередь на них распространялись поощрения в виде путевок в дома отдыха и санаторно-курортного лечения. В 1935 г. карточная система была отменена, и горожане получили возможность пользоваться услугами советской и кооперативной торговли, наряду с колхозными рынками и толкучками. Но качество товаров, особенно в сравнении с зарубежными аналогами и даже дореволюционными, резко упало. Поскольку сравнивать было не с чем, люди покупали то, что было. «Питаемся плохо, все время хлеб да картошка, так что у картошки выходного дня не бывает» [13, л. 35 об].

С 1929 г. уровень жизни населения Тюмени стал снижаться. «Если раньше горожанин выходил за хлебом раз в неделю, теперь он бегаёт ежедневно» [1,

л. 17]. Этому способствовала и массовая миграция крестьянского населения, бежавшего от коллективизации в города. Привыкшие к бытовой неустроенности, люди требовали обеспечить их хотя бы продовольствием. Именно в это время за линией Транссиба появился целый район с хаотичной застройкой из землянок и бараков под названием Крестьянские места. Как это ни парадоксально, но острая проблема с жильем, доставшаяся властям от Гражданской войны и коллективизации сельского хозяйства, способствовала формированию нового человека, позволяя вторгаться в частную жизнь, поощрять и наказывать, структурировать социальную иерархию за счет отбора и исторжения. Горкомхоз распределял жилье, как вторичное, так и в новостройках, вознаграждая явных сторонников нового режима.

Большевистская агитация сосредоточилась на следующих ключевых направлениях: идейно-политическом, общеобразовательном (ликвидация безграмотности), техническом обучении, формировании атеистического мировоззрения, физической и эстетической подготовке. Еще больше усилий было направлено на пропаганду советского образа жизни, фальсификацию знаний о западном (капиталистическом) образе жизни и мировоззрении, милитаризацию общества, придание ему мобилизационного характера. Основными средствами внушения были газеты, журналы, художественная и научно-популярная литература, радиопередачи, приобщение к физической культуре и спорту. При этом современники не обращали внимания на то, что в документах высших партийных инстанций уже заложены противоречия: пролетариату льстили, объявляя его правящим классом, и тут же отмечалось, что власть заботится о пролетариате. Понятия «рабочий класс» и «власть» не являлись тождественными.

Другим аспектом формирования советского человека был бдительный контроль за настроением населения со стороны органов ГПУ — НКВД. Периодически власти проводили репрессии представителей бывших эксплуататорских классов, вскрывая монархические, эсеро-меньшевистские, поповские заговоры. Словно оправдывая свое существование, чекисты придумывали мифические контрреволюционные организации, информировали население о казнях заговорщиков, якобы пытавшихся повернуть ход истории вспять. Например, 25-28 августа 1920 г. в Тюмени состоялся процесс по делу организации монархистов, ставящих целью возрождение самодержавия во главе с царем Михаилом [8]. Организаторов процесса — тюменских чекистов — не смутил тот факт, что претендент на престол был расстрелян их пермскими коллегами за два года до этого. В 1922 г. состоялся процесс по делу преосвященного епископа Иринарха (Синеокова-Андриевского), обвиненного в укрывательстве церковных ценностей. Он был осужден на 7 лет, затем срок заключения неоднократно продлевался. В итоге преосвященный погиб в концлагере. Складывается впечатление, что советское государство периодически отправляло представителей бывших эксплуататорских классов и групп в концентрационные лагеря, на лесозаготовки, в исправительно-трудовые лагеря с профилактической целью, чтобы лишить

их всяческих иллюзий в отношении своего будущего. В новой цивилизации им места не будет!

Как писал в своем дневнике неоднократно судимый по политическим статьям тюменец А. С. Аржиловский: «Немного осталось людей помнящих прежнюю жизнь» [1, л. 41]. Несколько позднее, в 1937 г., репрессии обрушились и на самих большевиков, заподозренных в измене пролетарскому делу. Например, были приговорены к высшей мере социальной защиты — расстрелу — исключенные из партии Василевич (за службу в Архангельске у Колчака?!), Захаров (за развал стахановского движения и отрыв от масс), враги народа, бывшие первые секретари тюменского горкома ВКП(б) Тарасов и Божко, опорочившие честных коммунистов, комдив 65 стр. дивизии Г. Ф. Гаврюшенко и бывший первый секретарь Омского обкома ВКП(б) Д. А. Булатов (в свое время отбывал ссылку в Туруханском крае вместе с тов. Сталиным). В 1938 г. был расстрелян 80-летний Н. И. Беседных, известный когда-то в Тюмени общественный деятель и адвокат, председатель городского Временного исполнительного комитета в 1917 г. Ему инкриминировали «историческое» преступление: 20 июля 1918 г., будучи нетрезвым, он встречал белочехов и казаков Сибирской народной армии хлебом-солью, в качестве гостеприимного хозяина города. Можно констатировать, что одной из задач сталинского руководства было постепенное вытеснение из общественной и экономической жизни, а затем и физическое уничтожение носителей прежних ценностей. Их возрастной состав позволяет сделать вывод, что расстреляны были прежде всего представители интеллигенции, получившие образование в царской России (89,3%), которые могли бы передать опыт, знания и корпоративную культуру будущим поколениям российской интеллигенции [5]. Другой вывод заключается в том, что в период «Большого террора» рабочие, служащие, малообеспеченные слои городского населения получили возможность беспрепятственно рассчитаться с администрацией, управленцами, партийно-хозяйственной номенклатурой, удовлетворив свое чувство зависти к тем, кто ранее оказался в более привилегированном положении. При этом новые праздники или митинги поддержки создавали лишь видимость усвоения народом новых традиций: «Не столько манифестантов, сколько глазающих». На митинге памяти Г. К. Орджоникидзе, состоявшемся 19 февраля 1937 г. на предприятии «Красный Октябрь», современник отмечал: «При нашей сознательности митинг должен быть драматическим, потрясающим, а он проходил скучно, нудно, когда насильно вытягивали выступающих. Кто будет говорить товарищи? — спрашивает директор завода. Нет желающих, и в тоне его слышится угроза» [1, л. 41].

Обвиняемые на громких политических процессах не вызывают особого сожаления, разве что возникает вопрос, почему высокопоставленные «жулик Арнольд и Радек, писавший статьи в советские газеты» разоблачены умницей Вышинским так поздно? «ГПУ открыло группу высокопоставленных шпииков во главе которых попал маршал Тухачевский. Очередной расстрел. Повторяется французская революция. Не столько фактов, сколько подозрительности. Бей, чужая, наших» [1, л. 51].

На всем протяжении истории большевистской партии ей был необходим символ угрозы. Это белогвардейские организации, окопавшиеся за рубежом, вражеские шпионы и убийцы, проникшие в республику Советов, замаскировавшиеся внутренние враги. Не случайно возле одного из тюменских заводов в 1937 г. была устроена панорама: наша социалистическая Родина с пограничным столбом и часовым, а с той стороны — нападающие фашисты [1, л. 20 об.]. Вообще становление советской цивилизации было бы невысказанным без создания «железного занавеса» и явной фальсификации западного образа и уровня жизни населения в Европе. Людей убедили, что решительно все за границей и во всех областях значительно хуже, чем в СССР. Эта иллюзия умело поддерживалась — важно, чтобы каждый, даже недовольный, радовался режиму, предохраняющему его от худших зол. Видимо, не случайно заголовки тюменских газет в 1937 г. звучали как: «В царстве террора!» (о Германии), «Голодающие крестьяне» (о Польше). «Самое главное при этом — убедить людей, что они счастливы настолько, насколько можно быть счастливым в ожидании лучшего, убедить людей, что другие менее счастливы, чем они. Этого можно достигнуть, только надежно перекрыв любую связь с внешним миром (я имею в виду с — за границей)... Счастье русского — в его надежде, в его вере, в его неведение» [6, с. 62-162].

Ни один режим не может удержаться исключительно на штыках, необходима иерархия доверия, формирующаяся на основе разложения и расслоения народа, выделение своих сторонников, создание для них условий карьерного роста, поиск врагов, шельмование и дискредитация их. Наполеону Бонапарту приписывают фразу: «Революция — это десять тысяч вакансий». Российская революция — это более двух миллионов вакансий. Говоря современным языком, 1930-е гг. — время социальных лифтов. Еще вчера никому не известные люди благодаря знаниям, умению, хитрости, ловкости, изворотливости, приспособляемости могли подняться по карьерной лестнице и занять достойное место под солнцем. Не случайно тот же А. С. Аржиловский писал: «Эти рыцари от революции так умеют пачкать человека, настолько нахальны и солидарны между собой, что слопают и не такого как я грешного» [1, л. 18].

Процессу становления советского человека способствовали комиссии по регулированию классового состава учреждений, например, среди учащихся техникумов и студентов вузов 60% должны были составлять выходцы из рабочей среды, 30% из крестьян и 10% из семей служащих. Политучеба, участие в социалистическом соревновании, митинги, суды над «врагами народа» способствовали формированию таких качеств, как преданность партии, вера в ее лидера, патриотизм, коллективизм, бдительность (склонность к доносам), беспощадность к классовым противникам, жестокость. Не последнюю роль в этом процессе играли всевозможные чистки и обмен партийных документов.

Со второй половины 1930-х гг. наметился позитивный процесс повышения уровня жизни. «Ходил на базар, на толкучку. Живет народ! Жрут и пьют. Все в порядке», — писал современник. В дневниковой записи от 1 января 1937 г. он отмечал: «Как бы то не было — празднуем, ели жаренное мясо. Все-таки жить

стало лучше. Хочется также отметить старое Рождество» [1, л. 32 об]. Слова И. В. Сталина «Жить стало лучше, стало веселей!» нашли отклик в сердцах населения. Надежду на стабильность и благополучие вселяло и принятие новой Конституции 5 декабря 1936 г., в соответствии с которой антагонистические противоречия между классами в СССР, как объявлено, были преодолены.

Еще один важный момент, на который историки уже обратили внимание [15], — это возврат к русским ценностям, национальным и патриотическим традициям, он выразился в побуждении у народа интереса к творчеству А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, В. Г. Белинского, Н. В. Гоголя, А. Н. Чехова и др. Все более настойчиво внедрялась в общественное сознание идея тождественности марксизма-ленинизма и патриотизма. Побудительным мотивом в данном случае выступила агрессивная внешняя политика национал-социалистической Германии, руководство которой откровенно требовало «жизненного пространства» и ликвидации условий Версальского мира. Упор на всенародное единство вокруг идеи советской Родины, наследницы великого русского государства, становится устойчивым элементом идеологии в довоенный период. Постепенное восстановление личной собственности, унификация семейно-брачных отношений, права наследования — все это внушало советскому человеку чувство, что у него есть нечто свое личное, что следует защищать.

Выводы

Итак, очевидно, что обитатели постреволюционной России были представлены психологическими типажам активистов, попутчиков и маргиналов. Первые, а это, как правило, люди, родившиеся в 1920-х гг., сознательно либо бессознательно поддерживали все инициативы правящей партии и являлись опорой режима, вторые (а их было большинство) соглашались со всеми мероприятиями советской власти, принимали правила игры и двигались по течению, и наконец, третьи глухо роптали, но старались не выделяться из общей массы, ориентируясь скорее на инстинкт самосохранения. Тем не менее многих из них объединяло чувство хозяина своей страны, готовность принести себя в жертву ради мощной индустриальной державы, ради своих детей. Эта жертвенность опиралась на традиции революционной борьбы, классовую сознательность, апелляцию к патриотическим чувствам, героизацию человека труда, периодические кампании по разоблачению «врагов народа», снятие моральных, политических и физических ограничений, на представление себя как части светлого будущего в настоящем. В 1920-1930-е гг. закрепилась мифология знаний населения о революции и Гражданской войне, наметилась тенденция к коллективному забыванию, оформилась самоизоляция страны, информационное пространство сузилось до официального, были нанесены превентивные удары по потенциально опасным согражданам. Произошла ликвидация дореволюционной элиты, сформировалась генерация новых людей. При этом надо признать, что к началу Великой Отечественной войны основная масса населения ощущала свою принадлежность к советскому народу, идентифицировала себя с существующей политической системой, разделяла ее ценности и испытывала доверие к власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аржиловский А. С. Дневник / А. С. Аржиловский // Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 4048. Оп. 1. Д. 2.
2. Бакулина Т. И. Развитие торговли в Тюмени в 1930-1936 гг. / Т. И. Бакулина // Земля Тюменская. Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 2006. Вып. 20. Тюмень, 2007. С. 84-90.
3. Бородулина Е. В. Тюмень в 1930-е гг. / Е. В. Бородулина // Сибирский город: историческая ретроспектива и современный вектор развития. Тюмень, 2016. С. 22-27.
4. Гильтенбрант П. А. Мысли о народной психологии / П. А. Гильтенбрант // Филологические записки. Воронеж, 1864. С. 17-56.
5. Гончаренко О. Н. Становление советской интеллигенции в Зауралье 1917-1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. Н. Гончаренко. Тюмень, 2005. 26 с.
6. Жид Андре. Возвращение из СССР / Андре Жид // Два взгляда из-за рубежа. М., 1990. С. 62-162.
7. Иваненко А. С. Прогулки по Тюмени / А. С. Иваненко. Изд. 3-е. Тюмень, 2006. 312 с.
8. Известия Тюменского губкома РКП (б). (Тюмень). 1920. 28 августа.
9. Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии / Б. И. Кононенко. М., 2003. 117 с.
10. Красное знамя. (Тюмень). 1938. 15 января.
11. Красное знамя. (Тюмень). 1933. 10 ноября.
12. Кружинов В. М. Тюмень в годы нэпа: люди и события / В. М. Кружинов, З. Н. Сокова // Земля Тюменская. Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 2004. Вып. 18. Тюмень, 2005. С. 75-87.
13. Плохотников В. С. Материально-бытовые условия жизни тюменцев в 1930-е годы / В. С. Плохотников // Тюменский исторический сборник. Вып. XIV. Тюмень, 2012. С. 112-120.
14. Трофимова В. Ф. Дневник / В. Ф. Трофимова // Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 1758. Оп. 4. Д. 8.
15. Brandenberger D. National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity / D. Brandenberger. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002. 378 p.

Galina P. GAVRILICHEVA¹
Anatoly A. KONONENKO²

UDC 93/94.908

**CHANGE OF PEOPLE'S CULTURAL CODE IN 1920S-1930S
(THE CASE OF TYUMEN)**

¹ Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor,
Department of Foreign Languages and Cross-Cultural
Professional Communication for Humanities,
University of Tyumen
teacher1710@mail.ru

² Dr. Sci. (Hist.), Professor,
Department of Russian History,
University of Tyumen
a-kononenko@yandex.ru

Abstract

This paper aims to analyze the cultural processes in Russia in 1920s-1930s, presenting the case of the then Tyumen — a small provincial town in Western Siberia. The authors suppose it was at this time when the change of people's cultural code took place, and the former subjects of the Russian Empire were transformed into a new social-cultural community, later called the Soviet people.

The authors focus on everyday activities of common people. The study analyzes citizens' vital activity and survival in hard life conditions, transformation of the Bolshevik agitation and propaganda, the requirements of the state to a person, division of the population to proponents and enemies of the new regime.

The results show a great impact of mythology upon people's consciousness when all positive changes in their life were connected with the Great October Socialist Revolution of 1917. The new strata have been easily formed within the population: *udarniki*, *stakhanovtsy*, *peredoviki*. The marginal groups were transformed into urban intelligentsia and working

Citation: Gavrilicheva G. P, Kononenko A. A. 2018. "Change of People's Cultural Code in 1920s-1930s (The Case of Tyumen)". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 4, no 3, pp. 179-191.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-3-179-191

class. The lower classes felt social injustice, so the repressions of the leaders satisfied them though both upper and lower layers seemed to be formally equal.

As a result, the complete change of the ruling elite took place, and the new generation was formed. The population was represented by new psychological types of people: activists, *poputchiki* (companions) and marginal people. They were united by life-preservation instinct and the quasi-ability to rule the country as well as tendency to become a victim for the future generations and the powerful industrial state.

Keywords

Soviet civilization, new cultural code, Tyumen, period of reconstruction, process of consciousness mythologizing.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-3-179-191

REFERENCES

1. Arzhilovskii A. S. Dnevnik [Diary]. Gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii Tiimenskoi oblasti (GASPITO). F. 4048. Op. 1. D. 2.
2. Bakulina T. I. 2007. "Razvitiie torgovli v Tiumeni v 1930 — 1936 gg." [Trade Development in Tyumen in 1930-1936]. *Zemlia Tiimenskaia*, no 20, pp. 84-90. Tyumen.
3. Borodulina E. V. 2016. "Tyumen v 1930-e gg." [Tyumen in 1930s]. In: *Sibirskii gorod: istoricheskaia retrospektiva i sovremennyj vector razvitiia*. Tyumen.
4. Giltenbrant P. A. 1864. *Mysli o narodnoi psikhologii* [Thoughts on People's Psychology]. *Philologicheskie zapiski*, pp. 17-56. Voronezh.
5. Goncharenko O. N. 2005. *Stanovlenie sovetskoi intelligentsii v Zaural'e v 1917-1941 gg.* [Formation of Soviet Intelligentsia in Ural in 1917-1941]. Cand. Sci. (Hist.) diss. abstract. Tyumen.
6. Zhid A. 1990. "Vozvrashchenie iz SSSR" [Coming from USSR]. In: *Dva vzglyada iz-za rubezha*, pp. 62-162. Moscow.
7. Ivanenko A. S. 2006. *Progulki po T'umeni* [Walking on Tyumen]. 3rd edition. Tyumen.
8. *Izvestiy Tyumenskogo Gubkoma*. 1920. 28 August.
9. Kononenko B. I. 2003. *Bol'shoi tolkovyi slovar' po kul'turologii* [Complete Comprehensive Glossary on Culture]. Moscow.
10. *Krasnoe Znamy* [The Red Banner]. 1938. 15 January.
11. *Krasnoe Znamy* [The Red Banner]. 1933. 10 November.
12. Kruzhinov V. M., Sokova Z. N. 2004 "Tyumen' v gody nepa: liudi i sobytiia" [Tyumen during New Economical Politics]. *Zemlia Tjumenskaia*, no 18, pp. 75-87. Tyumen.
13. Plokhonikov V. S. 2012 "Material'no-bytovye usloviia zhizni tiumentsev v 1930-e gody" [Living Conditions of Tyumen Population in 1930s]. *Tiimenskii istoricheskii sbornik*, no 14, pp. 112-120. Tyumen.
14. Trofimova V. F. Dnevnik [Diary]. Gosudarstvennyi arkhiv Tiimenskoi oblasti (GATO). F. 1758. Op. 4. D. 8.
15. Brandenberger D. 2002. *National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity*. Cambridge, MA: Harvard University Press.